

Глеб Иванович Успенский

Хороший русский тип

Глеб Иванович Успенский

Хороший русский тип

Серия «Через пень-колоду», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=665615*

Аннотация

«...Поставив перед собою задачу показать, что «хотя жизнь русская и идет через пень-колоду», но все же неустанно «идет и идет вперед», Успенский в своем новом очерке так же, как и в предшествующем, останавливает внимание читателя не только на темных, но и на светлых сторонах современной действительности.

Хороший русский тип – это тип человека, деятельно борющегося за улучшение жизни народа.

Успенский подчеркивает, что ценность человеческой жизни в практическом, реальном служении людям. В качестве иллюстрации писатель останавливается на деятельности представителей русской интеллигенции «старого, церковного» и нового, светского воспитания...»

Содержание

1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Глеб Иванович Успенский

Хороший русский тип

1

Все рождественские праздники мне пришлось провести не в деревне, а в Петербурге, и я уже решил было встречать в Петербурге и новый год, но какая-то необычайная тоска – результат всего виденного и слышанного в столице – до такой степени обуяла меня в утро тридцать первого декабря, до такой степени охватила все мое существо испугом и холодом, что я почувствовал непреодолимую потребность тотчас же уйти в свой деревенский уголок, к печке, к теплу, к одиночеству, тишине, книге и вообще к *какой-нибудь*, хотя бы также ужасной деревенской правде.

И вот, обуянный этим трудно формулируемым, но внезапным страхом и тоскою, я, не повидавшись даже с лучшими моими приятелями, мгновенно собрал свои пожитки и скоро, к величайшему удовольствию моему, был уже в вагоне третьего класса.

По случаю праздников народу было мало, в вагоне было просторно, то есть почти пусто, а стало быть, и хорошо. Спутниками моими по вагону были только двое: крестьянин – из числа «хозяйственных» народных типов – и пожилая

дама.

Не могу припомнить, каким образом между нами завязался разговор; кажется, что причиною общей беседы был крестьянин, долгое время разговаривавший один, сам с собой, и невольно вызвавший на ответ сначала даму, а потом и меня. Но что замечательно, так это именно то, еще недавно невозможное обстоятельство, что мы, случайные дорожные знакомые, люди разного звания, положения, развития, как-то дружно повели разговор именно об этом нравственном испуге, испуге души, который мы все – и крестьянин, и дама, и я – увозили с собою из столицы.

В былое время шел бы между нами какой-нибудь пустяшный разговор; мужик говорил бы об урожае, об овсе и сене, о сыне, которого сдали в солдаты; может быть, и дама вспомнила бы что-нибудь из своей семейкой жизни, да, и мне пришлось бы разговаривать о чем-нибудь случайном, Отвечать на вопросы: «вы чьи будете? где служите, какая ваша должность, велико ли семейство?» – но теперь, и не только в этот раз (я езжу по железной дороге очень часто), а вообще в последнее время дорожный разговор, случайно встретившихся людей почти утратил характер, разговора о будничных делах и частностях жизни, а всего чаще прямо начинается с разговоров «вообще» или «вообще» и всегда имеет неопределенный, плохо оформленный вид несвязного бормотанья о чем-то, что чрезвычайно ужасно для всех нас, но что нельзя, невозможно определить, назвать точно одним, двумя слова-

ми.

Всем нам знакомо это ужасное, лежащее камнем на душе, тяжкое, многосложное, сбившее всех нас с круга, с толку, теснящее и давящее грудь, пугающее ежеминутно и днем и ночью, и все мы, говоря об этом, родственном всем нам и не покидающем нас, людей разного звания, ощущении душевном, можем только перекидываться вздохами, иногда даже только обмениваться отчаянными жестами или фразами вроде: «Ужас что такое! То есть, знаете ли, просто не знаешь куда деваться!» и чувствуешь себя уже бессильным разменять эти жесты и фразы на текущие житейские недуги, ошибки, желания; все это сто тысяч раз было думано, передумано и все это сто тысяч раз должно было из передуманного сделаться переживаемым, и все пошло прахом, теперь возможны только жесты, выражающие присутствие в душе человека, измученного бесплодными размышлениями, чего-то умирающего, коченеющего, от чего только холод идет по всему существу человеческому...

И на этот раз разговор наш как-то сам собой сосредоточился на этом неразменном на реальные явления сегодняшнего дня душевном испуге, отчаянии перед чем-то «вообще». Что же такое в самом деле мы видели и слышали в столице? Все мы видели наших старых знакомых, людей нам близких, людей, с которыми мы прожили весь век, людей, которые пережили вместе с нами все то, что пережили и мы, но все – и мы от них, и они от нас – ушли и расстались с пу-

гающею мыслью о нашем взаимном духовном упадке, нравственном унижении, падении, даже умирании духовной жизни и вообще в сознании близости для всех нас чего-то недоброго, тусклого, сурового и даже глубоко позорного.

Это тяжкое, гнетущее душевное состояние, всеми нами, случайно встретившимися в вагоне людьми, вывезенное из столицы (точно так же, скажу кстати, и привозимое нами в столицу из деревень), было до такой степени тягостно всем нам, что мы употребляли всевозможные умственные усилия для того, чтобы почти мимически выражаемое отчаяние перевести на реальную почву и разговаривать, придравшись к какому-нибудь тягостному для нас жизненному факту. Но каких бы фактов мы ни касались, все они как-то были ничтожны перед огромностью тяготы «вообще», терялись в этой огромности и как-то даже утрачивали свою отдельную, маленькую возмутительность.

Прежде всех и больше всех из запутанной массы впечатлений, сливавшихся «вообще» во что-то удивительно неожиданное и нехорошее, старался выбраться на дорогу к какому-нибудь реальному факту упомянутый, выше хозяйственный крестьянин. Он не бывал в Петербурге лет восемь; занимался хлебопашеством; но у него в Петербурге было много знакомых односельчан, торговавших дровами, сеном, камнем, занимавших места дворников, трактирных буфетчиков и хозяев разных дровяных, сенных и извозчичьих дворов; в прежнее время, когда еще не подросли его ребята, он также

хаживал на заработки в Питер и возил туда и сено, и дрова, поставлял и камень, и кирпич. И никогда ни он не получал, посещая своих односельчан в столице по делам, таких не подходящих ни к чему впечатлений, какие вывез из столицы теперь, ни односельчане таких впечатлений не внушали ему: все они просто-напросто «делали дела», продавали привезенное, копили полученные деньги, думали о деревне, а окончив дела, заходили в трактир, слушали машину, пили чай и разъезжались по дворам и по домам. Ни в делах, ни в мыслях, ни в поступках не было заметно у них ничего такого, что бы было непонятно, необъяснимо, чего-нибудь такого, что было бы и удивительно, и ни к селу ни к городу, и в то же время страшно. А теперь вот есть, и есть в такой степени, что, повидавшись с этими же самыми дровяниками, сенниками, буфетчиками и трактирщиками, односельчанин их едет домой и понять не может: что такое творится? что сделалось с народом?

– Ну уж Петербург! – качая головой, бормотал хозяйственный мужик, хлопая руками о полы романовского полушубка и в недоумении качая головою. – Уж точно... да!.. Уж чисто, кажется, ума решивши. Перед истинным богом!.. Ай-ай-ай!

– Да что же такое, в чем дело?

– Да тут порассказать, так, перед богом, и слов таких не подберешь. То есть перед истинным Христом сказать ежели... так что это такое с народом?!.. так даже невозможно

и сказать этого! Вот перед истинным богом говорю: чистое расстройство в уме пошло... ей-ей!

– Да все-таки в чем же собственно беда-то?

– То есть так спутавши народ, так сбивши в мыслях, да же... Да как же, позвольте вам сказать: человек, мой земляк – шестьдесят пять лет ему от роду – почтенный человек: семейство, дом собственный на Лиговке, – подгулял, например, и при всех, при жене и при дочерях – ведь невесты, перед истинным богом, невесты, взрослые девицы! – «поедем, говорит, Михайло (мне говорит; ей-ей не лгу вам), поедем в такое-то место!» – При детях и при жене, шестьдесят пять лет от роду человеку! Да это что! Это нельзя сказать всего, что с мозгами поделалось. «Поедем, говорит, погуляем!» И хошь бы что... постыдиться или что, или например... Ничуть, а чисто на отделку, при детях! Да что!

Говоря это и всячески желая выяснить подробности того удивительного «вообще», которое так поразило его наблюдательность в Петербурге, крестьянин, очевидно, чувствовал, что все это не то, что он ощущает, и выражение лица его то вдруг делалось смеющимся, то серьезным, то просто испуганным, и вообще отражало крайнюю спутанность и сложность полученного впечатления. Все, что он видел у знакомых односельчан относительно их «делов», все было то же, что и прежде: дровяники торговали дровами; сенники – сеном, содержатели извозничьих дворов занимались извозом, – все было по-старому; но к этому старому делу присо-

единилась какая-то новая, незнакомая ему черта душевной, нравственной нескладицы, нелепицы, чего-то совершенно недостойного уважения, словом, какой-то огромный нравственный изъян, схватить который метким словом он никак не мог, и вот почему он то жестами рук, то движениями головы, то выражением лица, быстро менявшегося и глуповато переходившего из серьезного в смешливое, хотел подсобить своей речи, но речь продолжала быть нескладной и продолжала касаться фактов, только частью дававших возможность понять то, что собственно его огорчило.

– Да что я вам скажу-то, господа почтенные! Вот богом побожиться, не вру, а истинную говорю правду. Эта самая дочь, девица, сейчас оделась, надела шляпку – марш! А я тут у ворот на извозчика сажусь! «Куда, мол?» А мне к Синему мосту. «Ах, говорит, и мне к Синему мосту, в Немецкий клуб. Довезите меня до клуба». И какой-то клуб, не знаю. «Ну садись!» Поехали. «Что такое за клуб?» – «А, говорит, танцы, театры». – «А мать-то, я говорю, что ж, дозволяет?» – «Да что же мать? Мать – старуха. Нельзя мне с ней целый век сидеть». – «А женихи-то есть?» – «Сватают там каких-то, говорит, полотеров, либо ломовиков; только я, говорит, несогласна. Никакого, говорит, с ломовиком мне нет удовольствия. У меня, говорит, в клубе очень много хороших мужчин знакомых, угощают меня и уважают. Я ежели не найду хорошего жениха» так я согласна жить тут с одним женатым (ей-ей, истинный Христос, правда!). Я с жена-

тыми лучше согласна, говорит, чем с холостыми. Потому – женатый жены боится и с нашей сестрой должен обращаться вежливо». Вот перед самым Христом богом говорю, как есть эти самые слова сказала! Да что еще! То есть... Да тут, боже милосердный!.. Одним словом...

И опять на помощь плохо выраженному словами впечатлению крестьянин пустил в ход и мимику лица, и жесты рук, то хлопавших в ужасе о полы полушубка, то творивших крестное знамение в удостоверение справедлив восты рассказываемого.

И хотя все мы, не исключая и самого рассказчика, чувствовали и знали, что то, что он рассказывает, только частица, того «вообще», которое нас всех напугало, но все-таки благодаря и этой частице мы имели возможность заговорить о каком-нибудь факте, о какой-нибудь ясной, общезнакомой нам частице, тысячной доле того, что угнетало нас *вообще*.

«Падение нравов» сделалось, таким образом, предметом довольно оживленного разговора. Оказалось, что у всех нас было накоплено по этой части множество материалов, почерпнутых нами в случайных разговорах в театральных и клубных залах, в массах всевозможных «собраний» мужской и женской толпы, которых теперь такое множество в наших городах, – материалов, касавшихся всех слоев общества и всех возрастов, начиная от гимназиста и до почтенного старца, члена свято-петровского филантропического братства, пекущегося о распространении идей религиозно-нравствен-

ного направления среди невежественных масс. Нехорошая, жуткая картина вырисовалась, пред нами, но меткое и умное слово нашей спутницы, пожилой дамы, рассеяло в нас впечатление срамоты и гнусности, к которому приводил нас в таком обилии, накопленный материал, касавшийся «падения нравов», – и то, что нам начинало казаться только срамотою, вдруг получило значительный и серьезный интерес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.